

3.6. Современный капитализм и национальное государство

Концепция национального государства не только покрыта тьмой, но и является одной из наиболее искаженных концепций. Раскрытие реальных функций модели национального государства, ее основной роли настойчиво избегается. Можно сказать о том, что при рассмотрении данной темы больше всего преследуется пропагандистская цель. Особая роль уделяется маскировке онтологических связей этой модели с фашизмом и национализмом — точно так же, как игнорируется связь фашизма и национализма с официальными идеологическими течениями современности. Эта позиция свойственна не только буржуазным либералам. Социалисты, например, в вопросах, касающихся модели национального государства или выглядят ее защитниками или совершенно игнорируют эту тему, считая ее крайне незначительной, и ограничиваются при этом простейшими фразами и словами. Но, в сущности, национальное государство является одним из ключевых понятий, способных выразить и изменить нашу эпоху. Даже считая точку зрения Энтони Гидденса недостаточной, в данном вопросе я считаю его позицию просветительской с точки зрения того, насколько точно он понял значение модели национального государства.

Все вопросы, которые я рассматривал до сих пор, можно считать подготовкой к рассмотрению модели национальной государственности. Без раскрытия, хотя бы на схематическом уровне концепций современности, власти, нации и государства, являющихся признаками зарождения капитализма, невозможно полностью раскрыть роль, играемую моделью национальной государственности. Тесно связано с данной темой и то, что я попытался в виде конкретных пунктов схематически изложить еврейский вопрос. Подобно тому, как анализ проблемы национальной государственности является ключевым в решении современных социальных проблем, так и социально-историческая оценка еврейского вопроса, хотя бы на уровне определений, но в привязке к цивилизациям, может быть очень полезной и поучительной в решении проблемы национальной государственности. Попытки осмысления геноцида евреев вне решения еврейского вопроса и анализа модели национальной государственности не только недостаточны, но и таят в себе массу ошибок. Современная трагедия Ближнего Среднего Востока с лихвой подтверждает все поставленные рассуждения.

1. Национальное государство — это форма реализации монополистического капитализма. Еще в XVI столетии в Голландии и Англии появилась форма государственности, своего рода, прототип модели национальной государственности, необходимый для подавления имперских амбиций Испании и Франции. Нидерландское княжество и английская монархия старались

добиться превосходства на пути к модели национального государства. Когда в 1649 г., с подписанием Вестфальского соглашения, в межгосударственных отношениях стал преобладать национальный фактор, все процессы в направлении формирования данной модели национального государства ускорились. Меркантилизм, который все государства стали брать за основу своей политико-экономической деятельности, стал фактором усиления и ускорения актуализации национального рынка. Теперь уже в жизни и деятельности государства все больше и больше места стали занимать сферы государственного языка, искусства, истории. Различные противоречия и войны между народами не могли происходить без таких факторов, как националистическая власть национального государства. Главенствующую роль среди подобных войн играют войны Наполеона. Их не было бы без достижения Францией стадии национального государства. Немецкие идеологи, пристально отслеживавшие данный процесс, именно в образе Наполеона нашли все ключи, необходимые им для создания немецкой националистической идеологии и немецкой модели национального государства. Немецкий национализм, получивший резкое ускорение, сначала сыграл роль движущей силы в объединении Германии и обретении той формы государственности, которую искал современность. Процесс, позднее породивший Гитлера, сделал свои первые шаги в начале XIX века.

Собственно говоря, этот вопрос намного глубже. Он связан с основами современного капитализма (цивилизации). Это движение, таящее в себе победный марш экономического монополизма, искажил суть не только национального развития, он должен был поставить на националистические рельсы во факторы, делающие нацию нацией. Без формирования религии как силы, способствующей единству нации, довольно тяжело было установление экономическими монополиями господства на рынке. Становление культуры и искусства на национальном платформе также связано с аналогичной монополистической ситуацией. Войны с позиций национальных интересов стали последним и наиболее значительным фактором этого процесса. Формирование всех этих признаков на национальной почве порождает национальный дух, что завершается национализмом. Различные труды идеологов на тему нации и государства давно уже подготовили все необходимые интеллектуальные основы. Ясно, что совокупностью вышеназванных факторов являются национальный рынок и монополистический капитализм, ведущим грандиозную войну за этот рынок и последовательно идущий к собственной гибели.

2. Промышленный переворот ускорил все эти процессы. Индустриализация, пришедшая после масштабной торговли, но постепенно производившая гораздо больше прибавочного продукта, благодаря этому своему качеству стала фундаментальным вопросом национального становления. Национальная промышленность — это максимальная прибыль для всех капиталистов в масштабе всей нации. Показателен в этом смысле XIX век. Индустриализм идеологически очень тесно связан с национальным фактором. Невозможно представить в отрыве от индустриализации процесс превращения национализма в крупнейшую идеологию и политическую практику XIX столетия. Торговая буржуазия в плане объема не в состоянии удовлетворить потребности нации. Меркантилизм далеко не соответствует уровню экономической монополии, способной самостоятельно развивать нацию. Буржуазия, значительно расширившая свои ряды, теперь уже, благодаря промышленным монополиям, начинает сохранять за собой право говорить от имени всей нации. Она заново пишет собственную историю, конкретизирует свои философские

тенденции, вписывает национальную культуру в анналы истории. Она оставляет свой отпечаток на национальной армии и национальном образовании. Победа стремления капитализма в лице национальной промышленной буржуазии установить господство над всей нацией обретает все более устойчивый характер.

Такое понятие, как «буржуазная революция», получают смысл только в том случае, если она включает в себя все эти процессы. Что касается единичных случаев английской, французской и аналогичных буржуазных революций, то они, вопреки установившемуся мнению, не являются запланированными буржуазными революциями. Во всех случаях буржуазия отличилась лишь тем, что умело использовала в своих целях все эти революционные процессы. Ошибочно также считать промышленный переворот победой класса буржуазии — этот переворот стал итогом глубоких исторических процессов.

Речь идет о том, что эгоистичная буржуазия, склонная к монополизации, экспроприировала эту сферу так же, как и другие, постоянно выдвигая вперед себя и собственные интересы. Подобно тому, как экономика не предполагает наличие класса буржуазии, промышленность является той самой сферой экономики, которая изначально не нуждается в промышленной буржуазии. Торговые монополии преуспели только в том, что установили контроль над этой сферой экономики, исторически более прибыльной, нежели торговля. Ни один настоящий представитель революции не является буржуем. Буржуа не присутствовали ни в теории, ни в практике индустриальной революции. Одним из наиболее значительных этапов развития стал промышленный переворот, сделанный экономикой в ритме общественно-исторического прогресса — точно так же, как в земледельческой революции эпохи неолита. Экономическое производство, развивающееся на всех этапах истории, превратило государство, являющееся по своей сути экономической монополией, и его рьяных сторонников в новые монополии, ставшие наиболее амбициозными по отношению к новым рентабельным сферам, жестокими, способным и при необходимости даже применим, силу. Модель национального государства более всего находит свою материальную основу именно в этих монополиях, а если и не находит, то создает ее.

3. Середина XIX столетия является одним их поворотных периодов истории. Должна была победить или модель национального государства как центр буржуазии, или же демократически конфедеративное движение всех слоев общества, оставшихся за бортом новой монополии и аристократии. Несмотря на отсутствие явных различий между движущими силами английских революций 1640 и 1688 гг. и Французской революции 1789 г., эти две тенденции сыграли в них основную роль. Коммунары Французской революции и т. н. «левеллеры», то есть «уравнители» английской революции, стали представителями демократических тенденций, которые позднее будут ликвидированы. Революция 1848 года в полном смысле слова была народной революцией. Труды К. Маркса и Ф. Энгельса «Коммунистическая лига» и «Манифест Коммунистической партии», написанные до 1848 года, были вполне уместными историческими шагами. Первым стратегическим ударом для революций стало поражение вследствие предательства буржуазии и соглашения революционеров с различного рода консервативными силами. «Весна народов» продолжалась недолго и вновь наступила тягостная зима. Революционность буржуазии была связана с ее мгновенными интересами. Так, если бы буржуазии удалось достичь успеха, она смогла бы изначально превратить политическую власть в экономическую

монополию. Однако она предпочла сохранить то, что имеет, и добиться ограниченных успехов, нежели идти на риск потери всего. Не смогли найти реализации своих надежд и сторонники старых монархий и аристократий. В этот период еще более усиливается модель национального государства, представляющая собой некий баланс сил. Последующее развитие событий определит уже союз нации и государства, являющийся центром экономических и политических монополий. 1861 г. и 1871 г. стали датами объявления соответственно итальянской и немецкой моделей национального государства. Следом за ними произошло официальное утверждение других моделей национального государства.

Поняв, что новая революционная волна развивается не так, как они надеялись, Маркс переехал в Лондон, где углубился в анализ капитала. Деятельность в рамках Интернационала сводилась к работе кружков. Немецкие коммунисты, в том числе Маркс и Энгельс, основываясь на центральной модели национального государства, объективно приняли поражение. Их теории кризисов, а также программа, составленная в соответствии с распадом капитализма, организационная деятельность, стратегические и тактические уроки постепенно превращались в соглашательство с капитализмом против общества, и в тех же самых современных им шаблонах (индустриализм и узаконение модели национального государства), оказались ничем иным, как движением за получение своей доли от монополии, называемой экономизмом. Экономизм равнозначен принятию экономических программ промышленных монополий и программы национального государства. Социалистическая революция в России, как и предшествующие, тоже стала инструментом реализации программы «монополистический государственный капитализм + программа многонационального государства». Впрочем, и китайская революция после долгих стычек не избежала той же участи, пойдя схожим курсом на соглашение типа «китайское национальное государство + китайский монополистический капитализм + всемирная монополия».

Категории, называемые нами «национально-освободительными революциями», это, скорее, революционные движения, обусловленными современным мышлением и определившие индустриализацию и создание модели национального государства в качестве своей программы-максимум. Несмотря на то, что среди них можно часто встретить примеры социализма, общая программа известна. Основная причина неудач движения, осуществляемого под маркой полуторавекового научного социализма, заключается в его неумении преодолеть современное просветительство и продемонстрировать силу, способную в теоретическом, программном, стратегическом и тактическом отношениях сформировать и развить современную демократию. Точнее, причина заключается в отсутствии такого желания. Все данные свидетельствуют о том, что национально-освободительное движение имеет мелкобуржуазный характер, узкий спектр целей, страдает эйфорией от побед и очень легко отдается в руки системе.

Анархисты выступили с протестом против этого процесса. Но, в частности, серьезная критика, выдвинутая Бакуниным, Прудоном и Кропоткиным, и их программные предложения стали политическими альтернативами в силу отсутствия самоорганизации, идеологической узости и поверхностных знаний об обществе. Их участие в историческом процессе не увенчалось желаемым успехом, однако основная слабость обоих течений заключалась в усвоении просветительской философии в том виде, как она есть, и догматической

привязанности в позитивистской научности. Неудача больше была обусловлена идеологическими причинами.

Говоря о том, что до середины XIX столетия среди сельских и городских трудящихся Европе была очень сильна тенденция к демократической конфедерации, но капитуляция социалистов перед мировоззрением централизованного национального государства привела к полной потере этого шанса. Мюррей Букчин, вероятно, поставил более точный диагноз всему происходящему в социальной сфере.

4. Великий философ Ницше (которого уместно было бы называть наиболее сильным оппозиционным пророком капиталистической эпохи) одним из первых распознал серьезную опасность, в объявлении в 1870 году немецкой модели государственности в форме национального государства. В то время, как вся интеллигенция, включая социал-демократов, приветствовали этот факт, он видел в нем серьезную утрату для человечества. Если не ошибаюсь, суть его комментариев такова: «Обожествляемое государство, трудящиеся, превращающиеся в муравьев, выхолащиваемое общество, превращаемое в продажную женщину».

Еще более впечатляющей является критика гражданства, высказанная Прудоном. Такое впечатление, что он очень давно распознал сущность личности нашего времени. Макс Вебер называет общество, находящееся под воздействием современных тенденций, «обществом, заключенным в железную клетку». Еще более ужасающие определения даны в мире романов. Число таких комментариев растет по мере того, как общество отдается на растерзание национальному государству. Но все эти критические высказывания и предсказания далеки от конкретного анализа общества и его программы свободы. С XVI века до конца XX века народные массы и интеллигенция продемонстрировали невиданную за всю историю человеческого общества борьбу. У них было много временных успехов. Но то, что до сих пор в эпоху финансовых монополий во всей своей мощи существует всемирная гегемония капитализма, показывает серьезную несостоятельность школы современной демократии в плане анализа, ее неспособность к избавлению от ошибок и недостатков, касающихся программы, стратегии, организации и практики.

5. Незаменимой и не терпящей отлагательства функцией каждого периода цивилизации является равнозначный анализ трех основных элементов современности и содействия их развитию с помощью интеллектуального, просветительского и различного рода общественных движений. В связи с тем, что критика капитализма, пусть и чрезвычайно мало, неверно, но все же дана, крайне необходимо направить острие стрелы на модель национального государства, завершить этот процесс критикой индустриализма, что сохраняет свою значимость для борьбы за демократию, свободу и равенство в третью эпоху развития капитализма, называемую «эпохой финансового монополизма». Мы выполняем свою часть.

Теперь уже нетрудно говорить о том, что именно любого рода проявления национализма играют цементирующую роль как в формировании национального государства, так и в продолжении его жизнедеятельности. В этом смысле я хотел бы обратить ваше внимание на то, что национализм является идеологическим элементом, и играющим специфическую роль.

Гораздо правильнее было бы назвать его позитивистско-светской идеологией, обретающей религиозный характер. Несмотря на то, что позитивистские и светские проявления на стадии зарождения системы стоят очень далеко от современного демократического мировоззрения, им удалось сыграть положительную роль в преодолении засилья традиционного догматизма. Они внесли свою лепту в научное толкование. Но система, начиная с середины XIX века, с одной стороны, сохранила свои политические и экономические завоевания, с другой стороны, по причине продолжения угрозы демократической активности, как это встречается в любой цивилизации, сделала идеологический поворот в сторону религии. Эту потребность с лихвой удовлетворял национализм.

После такого рода вступительных заявлений, касающихся национального государства, было бы очень полезно и поучительно попробовать изложить более конкретные и подробные рассуждения, основываясь на значении данного вопроса.

А. Если дать более содержательное определение, то получится, что национальное государство — это, можно сказать, союз, зародившийся в рамках правового поля между механизмами власти и личностями, называемыми гражданами, и распространивший свое влияние на все общество. Определяющим понятием и данном случае является понятие власти, распространившей свое влияние на все общество. Узаконение власти всех предшествующих государств ограничивалась собственными структурами и кадрами; в национальном государстве эта граница стирается. Огосударствление личностей, выдвигаемых гражданами государства или обреченных на формирование в соответствии с идеологическими, структурными и экономическими интересами государства, причем стремящихся к государственности так, как будто бы являются представителями государственного механизма со всеми правами и обязанностями, — вот в чем заключается сущность национального государства. Формирование гражданина стоит в числе первых среди тех вопросов, которым национальное государство придает особое значение. Для этого оно старается воспользоваться такими многочисленными элементами, как идеология, политика, экономика, право культура, пол, армия, религия, образование, средства массовом информации.

1. Наиболее эффективным идеологическим орудием является национализм. Это своего рода новая религия. Национализм наделяет национальное государство священным образом, подобным «земному воплощению бога». Необходимостью этой новой религии является привязанность к государству до самой смерти, освоение его как наивысшей ценности.

2. Притягательность и сила влияния политической власти активно используются для того, чтобы сделать личность гражданином. Политические партии, в частности, играют свои роли именно с этой целью. Наиболее коротким путем к безопасности и доверию личность начинает считать формулу «мое государство».

3. В связи с тем, что такая ипостась государства, как экономическая монополия, в русле промышленного переворота обретает более распространенный характер, а политическая монополия получает серьезное развитие, чуть ли не половина общества втягивается в государственную машину в качестве рабочих и служащих. Подобная ситуация сама по себе

вовлекает больше половины общества в состязание за право быть членом национального государства, то есть быть его гражданином. Крайне тяжело отделить так называемые частные монополии от монополий, принадлежащих национальному государству. Между ними существует очень тесная партнерская связь. Очень трудно провести границу между тем, где начинается и где заканчивается государственная монополия, и местом частной монополии. В обмен на то, что частные монополии отдают государству больше половины своей прибыли, государство наделяет их своего рода современными привилегиями в виде безграничных облегчений деятельности. Тем самым деятельность частных монополий по вовлечению личности в процесс становления гражданином государства порой осуществляется в более реакционной форме, нежели самим государством, потому что заметно облегчается обучение личности в любых удобных государству ракурсах и делается это под предлогом лишения работы. Именно с этими процессами связано то, что синдикаты в последнее время стали более консервативными и рьяно приняли сторону национального государства. Социализм превращает рабочих едва ли не в боевую дружину национального государства.

4. Связь права с гражданством имеет очень конкретный характер. Любая личность, стремящаяся продвигать свое дело, должна обязательно получить идентификационный номер (удостоверение личности). Это, впрочем, само по себе уже означает получение гражданства данного государства — символически, выражение того, что личность стала членом государства.

5. Сознание власти и государства, актуальность которых поддерживается на протяжении всей истории, безусловно, вносит весомый вклад в форсирование традиционного типа гражданина.

6. Влияние гендерного признака обусловлено восприятием отца в семье как представителя государства, и каждый мужчина в доме становится «государством» по отношению к женщинам. Такое восприятие действует во всем обществе в целом. Национальное государство, пестуя такое восприятие мужчины, старается использовать его в своих интересах.

7. Армия — это одна из важнейших государственных структур буквально внедряющая в сознание и чувственный мир личности утверждение о том, что национальное государство является фундаментальной ценностью, и таким образом перевоспитывает личность. Каждая структура в рамках национального государства обладает аналогичными функциями, но ни одна из них не может достичь в этом отношении уровня армии.

8. Религия является именно тем средством, которое используется национальным государством в процессе своего становления, и превращается им непосредственно в религию национального государства. Подвергаясь превращению в общенациональную религию, облачению в формы национализма, в этот период религия, как общественный институт, фактически больше всех остальных противоречит собственной нравственной сути. Вовлекая все слои общества, оказавшихся за бортом секулярного национализма, в стихию религиозного национализма, объединяя их в статусе слуги нового воплощения старого бога, религия переживает своего рода предательство собственной внутренней сути.

Противостояние между религией и светскостью тесно связано с этим самым предательством.

9. Образование, с начальной школы до университета, — наиболее современная структура в плане превращения личности в гражданина. В этом смысле образование соревнуется с воинскими структурами. Первостепенной целью данных институтов является воспитание для современного капитализма наиболее ограниченного гражданина, чтобы, проведя все его общественно-исторические аспекты сначала сквозь фильтр религии, а затем национализма, приобщить к курсу официальной идеологии. Глупости, вытворяемые в этой сфере, оставили далеко позади себя схоластику древнего мира.

10. Средства массовой информации являются наиболее эффективным орудием современности, способным разрушить мозг и сердце человека. Эти механизмы значительно облегчают функции национального государства, пользующегося предоставленными коммуникативными технологиями возможностями по воспитанию гражданина в тех рамках, в которых оно этого желает. В частности, популяризуя и выхолащивая суть, а затем преподнося обществу формулу трех С, то есть «спорт, секс и синтез искусств», СМИ тем самым играют успешную роль в формировании наиболее отупевшего, недалекого, одурманенного гражданина. Эти средства и методы, воздействие которых мы могли бы раскрывать и дальше в виде основных заголовков, возвращают тип гражданина, не имеющий прецедентов ни на одном из этапов истории. Основной целью жизни такого гражданина становится стремление занять одну машину, семью (найти жену или мужа, родить одного-двух детей), а также иметь квартиру, то есть стать потребителем типичных стандартов. Смысл социума совершенно спокойно игнорируется из-за мистических (вульгарных, низменных) индивидуалистических страстей. Лишенное памяти, общество вообще оказалось оторвано от истории. То, что считается историей, — это набор национальных клише с националистическим уклоном, не обладающий философией или совсем не верящий в существование какой-либо философии счастья, кроме самой узкой меркантильности. На вид все кажется современным, но содержание свидетельствует о том, что имеем место самое пустое, выхолащенное «стадо граждан», личности «массового общества», подготовленные к самым темным акциям (фашизму), точнее, речь идет об **ОТСУТСТВИИ ЛИЧНОСТИ**.

Написано множество замечательных романов о роли, которую этот тип гражданина сыграл в движении на пути к фашизму. Существует, очень много знаменитых писателей, занимающихся этой темой. Эти романы, в частности, основанные на анализе геноцида, носят поучительный характер. Предельно просветительский характер имеет и критика «граждан», осуществляемая в последнее время под воздействием постмодернизма.

Первыми среди препятствий на пути современной демократии стоят национальные государства и общество, создающие такой тип гражданина. Следовательно, одной из важнейших функций демократизации является не только анализ национального государства и общества, порождающих такой тип отсутствия личности (потому что действительно считается, что личность как таковая отсутствует), но и воспитание демократических личностей (свободных граждан), стоящих на позициях равенства и свободы.

Б. Очень важно заметить онтологическую связь между национальным государством и фашизмом. Одной из фундаментальных ошибок, допускаемых в отношении фашизма, является неспособность видеть его связь с систематикой национального государства, неумение раскрыть эту связь даже тогда, когда она видна ясно — шила в мешке не утаить. Что касается нашего анализа, сделанного на схематическом уровне, то он выявил значительную связь фашизма с идеологией Просвещения (включая позитивистские светские идеологии). Подобно тому, как основной формой современной официальной власти является модель национального государства, его новой религией является национализм. Общества, прошедшие сквозь фильтр национализма в рамках национального государства, стали обществами, готовыми постоянно порождать фашизм. Трудно представить себе фашизм вне модели национального государства — точно так же, как, безусловно, невозможно представить себе национальное государство в отрыве от концентрированного выражения экономического монополизма (торговля + промышленность + финансы).

Нетрудно узреть корни гитлеровского фашизма в немецкой идеологии. Единственным выходом для немецкой буржуазии стала концентрация монополистских усилий на пути становления национального государства. На протяжении XIX столетия основным занятием и достижением немецкой буржуазии стало создание такого типа государства, как на идеологическом, так и на материальном уровне. Это деяние имеет долгую историю, и я не в состоянии ее изложить. Конечно же, нельзя умалить роль еврейского капитала и идеологов. Диалектическая связь между евреями и еврейством, с одной стороны, и немецким фашизмом в Германии, с другой стороны, подтверждена сотнями исследований, и эта связь также доказана нашими теоретическими разработками.

Немецкая модель в дальнейшем стала источником вдохновения для всех националистических движений и моделей национального государства. Самой значительно слабостью социалистов и всех антифашистов стало их неумение узреть системную связь между национальным государством, монополиями (государственными и частными монополиями) и фашизмом. Более того, их ошибки продолжились в неумении раскрыть онтологическую связь между современным капитализмом и фашизмом.

В. Вопрос о взаимоотношениях национальных государств Советского Союза относится к разряду тех проблем, которые не теряют своей значимости, и ждут решения и по сей день. Самой крупной из всех ошибок еще во времена Маркса и Энгельса была ошибка, касающаяся того, что основные рамки борьбы за интересы рабочего класса очерчивались границами национального государства с центром в Германии. Демократические конфедеративные образования, порожденные городскими и сельскими восстаниями, которые до середины XIX века были очень актуальны для Германии, они посчитали отсталыми и поддерживали централизованное национальное государство. Этот вопрос также привлекал внимание Маркса и Энгельса. В данном смысле критические замечания и взгляды Бакунина и Кропоткина сохраняют свою силу и по настоящее время. Эти заблуждения Маркса и Энгельса стали основной причиной неудачной деятельности I и II Интернационалов. Объективно существовал союз, установленный ими с немецкой промышленной буржуазией. Впрочем, вышеуказанное обстоятельство описано довольно ясно. Это является растворением в недрах национального государства. В принципе, полуторавековая история марксизма является историей жертвы этой ошибки.

Советский Союз и современный Китай являются самыми убедительными примерами этого. Демократическая структура Советов в России была искусственно заторможена еще в 30 —х гг. до начала 20-х гг. прошлого столетия. Остались только попытки построения в отдельной взятой стране социализма по модели многонационального государства. Для этого были ликвидированы все виды оппозиции, стоящее во главе демократических сил, а крестьянство полностью уничтожено. Той же участи подверглась интеллигенция; некоторым ее представителям, впрочем, по просту заткнули рты. Развивалось ничто иное, как социализм современных фараонов. Никому и в голову не приходило что-либо вроде современной демократии, — точнее, этому чинились препятствия. Такая демократия, опять же, в виде недоношенного младенца, окажется на повестке дня только с начала 90-х гг. прошлого столетия. Я не считаю правильным называть этот период сталинским фашизмом, сравнивая с гитлеровским. Эти два движения развивались по различным каналам. Но пример СССР стал историческим опытом, который в потрясающей форме подтвердил, что советский опыт не имел ничего общего с социализмом и что не может быть построен социализм, не берущий за основу демократическую цивилизацию.

Известно, что Мао интересовался демократией. Очень важна его критика Советской власти. Культурная революция, развернутая Мао в Китае, является свидетельством неверного пути. Но ни уровень сознания Мао, ни средства и методы, на которых он основывался, не позволяли ему преодолеть влияние марксистской ошибки пример СССР. Сегодняшний Китай раскрывает глаза на многое, связанное с этой темой.

Национально-освободительные движения, многие из которых развивались по линии социализма (СССР), изначально считали построение модели национального государства своей программой максимум. Если иметь в виду тот факт, что устоять они смогли только в сотрудничестве с такими крупнейшими монополистами, как США, ЕС, МВФ, Всемирный банк, не стоит удивляться их структурам, которые имеют антидемократический и постепенно приобретают все более консервативный характер.

Самый яркий пример этого — «зелёный социализм», построенный партией БААС во главе с Саддамом Хусейном. Для тех, кто хочет понять это бесценный пример.

«Государство благоденствия», о котором говорят социал-демократы, тоже ничем не отличается от модели национального государства. Немецкие социал-демократы, лидирующие во всем мире и в данном вопросе, своим мировоззрением экономизма извлекли определенную выгоду даже из того ущерба, который Гитлер нанес их национальному государству, и по сей день крепко стоят на своих позициях. Но это имело место только посредством выхолащивания мирового демократического движения и превращения в подсобный материал для собственной буржуазии!

Г. Одним из ужасающих последствий построения модели национального государства стали невиданный в истории упадок, ликвидация и ассимиляция, которым подвергается культурное наследие. Важной отличительной особенностью национального государства является игнорирование и последующие за этим разрушение, ликвидация и ассимиляция вместе с тысячелетними культурами всех этнических групп — помимо той, на базе которой создано само национальное государство, (кстати, лозунг «один язык, одна нация, одна

Родина, одно государство» был главным гитлеровским лозунгом). Эти движения, к которым в истории не прибегала ни одна угнетательская идеологическая сила, связаны со структурой национального государства. Основной чертой культурной политики национального государства является создание одноликой, или черной, или белой массы однотипных граждан и структур. Идеологи национального государства хотели даже применить идеи дарвинизма, то есть биологизма, в общественной жизни. Один из ужасных грехов позитивизма лежит именно в этой плоскости. Растворение самой сильной культурой в своих недрах всех остальных считается эволюционным законом. Естественно, при этом вовсе игнорируется или вообще уничтожается многомиллионная эволюция человека!

То, что современная культура сделала заметный поворот вправо, потеряла свою волшебную притягательность, оказалась в ситуации, полностью лишенной таинственности, перестала быть источником вдохновения, происходит вследствие деятельности национального государства, подобно бульдозеру, разрушающему культурные традиции. Жертвами этой политики единственной культуры и геноцида всех остальных стали тысячи языков, десятки тысяч племен, родов, народностей, археологическое наследие, различные формы жизни, то есть культуры. И неизвестно, где должен остановиться этот разрушительный процесс. Культура национального государства, личности в контексте нации и национального общества, состоящая из одного расового типа, не только порождает фашизм, но и делает жизнь пустыней, толкает общество на путь превращения в чудовище, ищущее только цели для своих агрессивных выпадов. Итогом становятся этнические, религиозные войны, подавление других языков и культур. Современная жизнь просто пестрит такого рода войнами. Гитлер стал началом и символическим выражением этого культа войны. Наш современный мир переживаем состояние этого символизма, ставшего реальностью. Опять же для тех, кто хочет научиться, скажу, что события в Ираке, некогда имевшем ценность, эквивалентную золоту, говорят сами за себя.

Национальное государство в настоящее время не является просто военно-политическим и социальным движением, направленным против государств и передовых культур, как это было во время Второй мировой войны. Это — массовая социальная война, объявленная общественно-исторической традиции и всем новациям, дающим надежду на будущее и отличающимся друг от друга. Присутствие в логике создания, экономике, социальных и политических целях национального государства таких понятий, как «один язык, одна нация, одна Родина, одно государство», не может увенчаться ничем иным, кроме как длительной войной на всех фронтах, причем порой скрытых, порой явных, порой кровавых, порой демагогических.

Д. Национальное государство стремится обозначить свой единственный тип и на политической арене. Оно не дает возможности проявить себя ни различным нациям, ни различным политическим образованиям. Оно не дает возможности никому, кроме централизованного государства, называемого иначе «унитарным государством», осуществлять вою политическую линию на основе собственных различий, являющихся одним из фундаментальных условий демократии. Это оно считает угрозой цельности государства. Даже признание за местными органами управления минимальных полномочий вызывает в этом смысле глубокие подозрения. Центральная бюрократия формирует его основную силу и фундамент. Национальное государство — это тип государства, созданный

современной бюрократией, держащей в железной клетке все общество. Основным условием национального государства в отношении партий и гражданского общества является движение, аналогичное курсу государственной политики. Следовательно, социально-политическое, культурное и экономическое развитие, которое является необходимостью плюрализма, являющаяся неизменным условием демократии, постоянно и пристально отслеживается как причина угрозы. Национальное государство не признает возможности выбора, и, тем самым, присутствия плюрализма в управлении. В силу своей структуры национальное государство противостоит плюрализму, следовательно, антидемократично. То, что в национальном государстве не находят развития такие понятия, как «демократия» и «социализм», более того, они подвергаются ликвидации, как уже было нами указано, объясняется тем, что они защищают национальное государство или же капитулируют перед ним. В случае принципиального согласия между национальным государством и демократией, представляющими собой различные единицы, можно говорить о нем как о структуре, открытой для демократических перемен.

Е. Национальное государство не останавливается на создании одинакового типа только на базе личности, оно прививает всем социальным единицам однотипные мышление и чувства. Тем самым оно и распространяет свою власть над всем обществом, и создает общество одного типа, национал-государственное общество. Оно преследует цель создания корпоративного общества (модель фашистского общества). Нельзя неправильно воспринимать формирование власти в обществе — это может породить антагонистское понимание. Разместив своих агентов в виде отдельных лиц или структур во всех наблюдательных позициях общества, национальное государство считает своим основным делом углубление и расширение собственной власти. Намеченная модель общества может быть реализована только таким методом. Иными словами, распространение власти во всем обществе становится равнозначным по смыслу объявленной всему обществу войне, но не формированием власти общества. М.Фуко придает этой мысли важное значение. Власть мужа над женой также играет роль некой агентурной структуры. Посредством применения политики гендерной активизации общества и секса происходит прививание обществу ростков заразной болезни, способствующей войне против этого же общества. В частности, женщина является объектом глубокого порабощения. Сформировался побежденный тип женщины, приравнивающий мужественность к свободе, причем ущербность этой женщины имеет очень глубокий характер.

Функции спорта и искусства в обществе тоже поставлены на службу интересам национального государства, и они превращены во влиятельные агентурные структуры в войне против социума. В частности, в этих целях широко применяются популярные культурные и спортивные программы. Умышленное превращение всемирным капиталом таких сфер жизнедеятельности, как секс, спорт и искусство, в эффективных общественных агентов путем последовательного выхолащивания их содержания, способствовало тому, что на последних этапах они стали очень влиятельными сферами борьбы против общества. Выдвигая это суждение, я, несомненно, далек от мысли повального осуждения гендерного фактора или сферы спорта и искусства. Напротив, я уверен, что одной из основных функций демократической цивилизации является использование этих сфер в интересах общества, на основе значительных этических ценностей, что способствовало бы благоденствию общества.

Спорт, являющийся средством воспитания здорового общества, в ракурсе интересов национальных государств снижен до уровня инструмента завоевания славы для страны. Спорт зажат в узкие рамки дилеммы «победа — поражение» едва ли не как на войне, и превращен в оружие борьбы в руках власти. В частности, такой вид спорта, как футбол, с этой целью превращен в монополию власти для национальных государств. Спорт одновременно вовлечен в рамки национального государства и превращен в поле результативной борьбы против общества.

Второй важной сферой социальных войн является сфера искусства, к которой устремляют свои взоры как государственные, так и частные монополии. В частности, поп-культура и культура арабски играют ошутимую роль в парализации общества в тисках развлекательной культуры. Чуть ли не армия звезд открывает массированный огонь по общественным ценностям. Классическое искусство совершенно забыто, народная культура в силу неправильной популяризации уже давно отошла от своих выполнявшихся на протяжении тысячелетий основных функций, и теперь, напротив, превращена в орудие уничтожения народа. Секс или половой фактор в невиданных для истории масштабах превращены в объект социальной войны. Ни одно средство не играет столь эффективной, как секс, роли в борьбе, развернутой против общества.

По данной теме, которую я надеюсь более подробно рассмотреть в разделе «Хаос и социология Свободы», сейчас лишь вкратце, в скобках, отмечу, что половой акт для мужчины превратился в акцию утверждения собственной власти. Половой акт уже не воспринимается как биологическое действие, направленное на продолжение жизни и рода. Он теперь настолько искажен, что превращен в фактор безграничного расширения и распространения власти уже в социальной сфере. Половой акт стал действием по укреплению власти. Во всех гомо-, гетеро- и прочих формах сексуальных отношений связь с властью играет определяющую роль. Несмотря на распространенный исторический фундамент, половой фактор ни в одной общественной или государственной формации не достиг столь систематического, распространенного и направленного на достижение власти (следовательно, порабощения) развития, как в рамках национального государства и его общества. Половой фактор в обществе находится в прямой связи с социально-политической властью.

Политикой, осуществляемой в отношении полового фактора как в семье, так и за ее рамками, национальное государство способствует ненормальному стремлению к власти. Женщина уже считает себя сексуальным товаром, а мужчина мнит себя средством половой власти, и вместе они толкают и самих себя и общество не просто в объятия нравственного кризиса, а постепенно становятся жертвами борьбы за власть.

Во всех этих трех сферах СМИ играют роль наиболее эффективного орудия войны. Ни одно орудие не играло столь раз рушительной роли в борьбе против общества под контролем монополий, как это делают СМИ. Но если средства массовом информации будут использованы в рамках демократической цивилизации, несомненно, они в состоянии стать наиболее важным средством демократизации общества.

Политика национального государства, связанная с тюрьмами, больницами, также тщательно сформирована и играет значительную роль в усилении собственной власти и удержании общества в состоянии вечного заточения. Те, кто оказались и в тюрьмах или в больницах, оказались лицом к лицу с утерей многих материальных и моральных ценностей, которые у них отнимает власть.

Даже навязывая свою власть обществу, внедряя ее в капилляры социального организма, национальное государство вынуждено признать, что, в сущности, уже приближается к своему финалу. Власть, дошедшая до этой стадии, неминуемо будет низложена. Для этого нужно умело распространить во всех сферах общества понимание демократизации, организации и практической деятельности, которые диктует демократическая цивилизация, и умело развивать эти процессы.

Ж. Национальное государство в основном базируется на среднем классе, занимая промежуточное положение в плане классового расслоения. Какой-либо иной путь теоретически мог быть возможен, но практически это не представляется реальным. Национальное государство стало современным богом среднего класса, в своем сознании и пристрастиях живущего с мечтой о том, как дойти до своего бога (служить ему и блющая его интересы). Подобно тому, как общество преклонялось перед богами древнего мира, не зная их сущности, так и современный средний класс, по сути, не знает своего бога (в смысле современного капитализма). Но он знает, что у него нет другого выбора. Для среднего класса смысл спасения сводится к получению должности в бюрократическом аппарате государства или в его монополиях (необходимость профессиональной формации). Средний класс рассматривает себя как стержень общества. Это очень эгоистичный класс. Либералы считают средний класс одним из основных условий демократии. На самом же деле все наоборот. Средние классы — это база, где отбирают себе материал не демократия, а фашизм. Связь между фашизмом и национальным государством носит структурный характер, и точно такая же связь существует между фашизмом и средним классом. То, что фашизм структурно связан с капиталистическими монополиями, отнюдь не влияет на данное суждение в отношении среднего класса. Исключения лишь подтверждают основную тенденцию.

Либеральные демократы, играя в основном со средним классом, преследуют цель выхолащивания демократии, обеспечивая превосходство истинным демократическим общественным силам в большой игре за демократию. Либеральная буржуазия, либеральные демократы могут проявить положительные качества лишь в качестве левого крыла в обстановке сильных демократических процессов. Необходимо обратить серьезное внимание на ересь среднего класса. Капитализм обладает серьезным опытом в использовании среднего класса в качестве противовеса борьбы общества за демократизацию. Он осуществляет свою внутреннюю политику с помощью обещаний, даваемых среднему классу, пробуждая в нем мечты и постоянно запугивая обострением отношений с низшими слоями общества. Национальное государство в этом смысле является сконцентрированной формой уничтожения среднего класса. Опять же, в этом смысле национальное государство является богом войны для среднего класса. Он так понимает, так мечтает и так поклоняется. У демократических сил нет иного выбора, кроме построения собственного самобытного мышления и практической линии, чтобы противостоять этому божку и развернутой им

массовой войны. Единственным путем борьбы с ним является превращение борьбы за свободу в священный долг и единственный выбор!

3. Вынося оценку модели национального государства, было очень полезно сравнить ее с некоторыми формами государственности и признать существование здесь различных моделей. Очень важно не отождествлять понятие «национальное государство» и его структуру с республикой. Не каждая республика является национальным государством. Даже монархии могут существовать по данному типу. Некоторые республиканские режимы могут превратиться в национальные государства, но республика все же более открыта для демократии. Отношения республиканского строя с обществом строятся не по типу национального государства. Республика соблюдает гораздо большую дистанцию в отношении монополий. Если республика — это режим союза, согласия, то национальное государство — это режим, навязывающий свою власть обществу и формирующий его в рамках своих интересов. Если республика обращает больше внимания на свои союзы и общественный баланс, то национальное государство, разрушая любого рода договоренности, возводит до невиданных высот единоличность и централизованную власть. Оно стремится растворить в своих горнилах различные политические, общественные, экономические и культурные ценности и мировоззрение. Республика может делить свою власть с различными структурами. Если под крышей республики могут размещаться носители различных взглядов, культур, этносов, политических образований, местные, региональные органы управления, то национальное государство в силу мировоззрения и структуры противостоит такому разнообразию и объединениям.

При моделировании национального государства часто говорят о трех примерах.

Франция стала первой моделью национального государства, являясь местом рождения данной модели. Ее создателем и богом был Наполеон. В основу национального государства французы поставили политическую идентичность. Усилив политическую и правовую сферу, французы, тем не менее, смогли удержаться от сползания в сторону фашизма германского типа, проявив большую приверженность своим традиционным позициям. Будучи господствующей нацией в своем государстве, французы не проявляют нетерпимости к другим. Всякий, кто принимает французский язык и французскую культуру, может найти свое место в рамках французского национального государства. В мире есть немало последователей французской модели. Именно французская модель вдохновила турок на создание собственной модели.

Немецкая модель берет за основу культуру. Культура свойственная немецкой нации, является условием и гражданства, и национального государства. Проявленная немцами склонность к фашизму связана с развитием немецкого национального государства именно на этой почве. Она оказала влияние на весь мир. Влияние этой модели испытали и турки. Однако немцы уже выходят за рамки своей модели.

Английская модель национального государства наиболее гибкая. Англичане, в отличие от французов, не ставят во главу угла политическое или, в отличие от немцев, культурное единство. Они сформировали образец национального государства, более лояльный к различным политическим образованиям и культурам.

И. С точки зрения осознания изменений и развития национального государства важно анализировать его в связи с периодизацией. Постоянно повторяя, что национальное государство является основной формой государственности в эпоху капитализма, нельзя полностью осознать его роль, не рассматривая сквозь призму исторического развития.

Поиски Голландии и Англии более эффективных форм государственное в борьбе против испанской и французской монархий, привели к образованию типа национального государства. Постепенно все больше и больше стало подтверждаться преимущество, которым обладала новая модель в сравнении со старой военно-политической структурой, причем как с финансовом так и политической точек зрения, в частности, с точки зрения реорганизации армии. Голландцы и англичане в первую очередь обеспечили себе морское преимущество. К концу XVI столетия господство, следовательно, и гегемония на море, полностью перешло к Голландии и Англии. В начале XVIII века, в период династических войн во Франции и Испании, голландцы и англичане утвердили свое господство и на суше. Но монархические династии Франции и Австрии не хотели отказываться от своих имперских амбиций, что обернулось для них очень серьезными последствиями. Они фактически оказались на грани потери возможности создания собственных национальных государств. В частности, государственное строительство обошлось им очень дорого с финансовой точки зрения.

Голландия и Англия, столкнувшись с деятельностью империи оказали политическую поддержку созданию национальных государств. Так, результатом очень эффективной политической линии стала поддержка и усиление Пруссии, мощного национального государства, представляющего собой противовес действиям Австрии и Франции.

Другим фактом эффективной политики стало то, что постоянно поддерживая все оппозиционные силы Европы, в том числе тех, кто находился в поисках модели национального государства, англичане и голландцы попросту разорвали тем самым, своих противников, потому что последним было очень тяжело противостоять нашествию национального государств. Вестфальское соглашение стало результатом этих процессов. Оказавшись в конфронтации с императорской Европой, европейские национальные государства постепенно укрепляли свои позиции и обеспечивали себе преимущество. Цель, преследуемая англичанами в период Французской революции, сводилась к низвержению короля, не идущего на соглашение с Англией, и активизации деятельности оппозиции. Они поддерживали всех, у кого были противоречия с королем. Французская революция, в сущности, в каком-то смысле (не полностью) стала результатом заговора англичан, но позднее монархия испортила отношения с Республикой и Наполеоном в отношении перехода к форме национального государства. Англии едва удалось спастись от Наполеона. Прусская политика также стояла перед аналогичным результатом.

Аналогию с Наполеоном мы видим на примере создания Турецкой Республики. Известно, что Англия поддерживала проанглийски настроенную оппозицию в противовес прогермански настроенным «иттихадистам», но, когда на исторической арене вдруг появился Мустафа Кемаль-паша, фактически повторилась ситуация, связанная с Наполеоном. Проиграли сторонники, как Англии, так и Германии. У Англии есть богатый политический опыт такого рода, который стоит внимательно исследовать. Тем более не стоит забывать осуществление

ими политики совместно с масонами.

Победа модели национального государства в масштабе всей Европы обрела неоспоримый характер национальной консолидацией Италии в 1861 году и Германии в 1871 году и созданием этих двух национальных государств. На этот раз борьба за гегемонию проходила уже между Англией и Германией. Период в сорок пять лет от 1870 г. до 1914 г. протекал в поисках союза обеих сторон. Первая мировая война нанесла серьезный удар по гегемонистским амбициям Германии, Вторая мировая война стала своего рода войной-местью со стороны Германии. Итогом оказался горький распад немецкого национального государства.

Россия, октябрьской революцией 1917 года хотела заполнить вакуум гегемонии, образовавшийся после Германии. Именно поэтому Советская Россия быстро превратилась в модель национального государства. Но союз политически опытной Англии с США точно так же, как с Францией и Германией, свел на нет все гегемонистские устремления России. Официальный распад советской системы в 1991 году по смыслу соответствовал отказу от гегемонистских идей. Английская гегемония длиною в три столетия была сдана ею в 1945 году в обмен на право, остаться маленьким союзником США. Политика СССР, направленная на поддержку национально-освободительных движений против США, стала результатом «холодной войны», длившейся с 1949 по 1989 гг.. «Холодная война» между США и СССР была золотой эпохой национальных государств. Напряженность во взаимоотношениях двух держав подготовила рождение национальных государств, подобно снежному кому. Процесс формирования национальных государств, завершившийся в Европе до 1914 года, в мировом масштабе завершился в основном к 70-м годам прошлого столетия. Вторая мировая война для европейских национальных государств, стала первым важнейшим кризисом. ЕС возник как результат этого кризиса.

Вопрос, который требует освещения, заключается в том, почему современный капитализм развил модель национальную государства. Все наши пояснения не только раскрывают эти причины, но, вместе с тем, в качестве краткого дополнения, свидетельствуют о том, что эта модель не давала шанса для легкой развития имперских тенденций и процессов. Если бы победила империя, то шансы капиталистических монополий остались бы такими, какими они были в Средние века. Именно поэтому, собрав все силы, национальные государства смогли противостоять четырем крупным империям вплоть до полного распада: в 1500-1600 гг. это была Испанская монархия, в 1600—1870 и Французская империя, в 1870-1945 гг. Германия, в 1945-1990 гг. — Советская империя (следует добавить к ним еще Османскую империю и Австро-Венгрию).

Как бы ни старались привязать к модели национального государства эпитет «национальная буржуазия», в действительности происходит то, что это государство в основном является ареной деятельности капиталистических монополий, стремящихся к созданию транснациональных миров-систем. Даже пример Турции, считающейся самым ревностным приверженцем национальных устоев, сформировался только благодаря согласию Англии и союзу с США. Без международной капиталистической системы нельзя представить себе ни рождение, ни развитие национального государства. Сюда же входят советская и китайская модели национального государств. Во главе факторов создания и утверждения этих

моделей идет наилучший политический ответ аргументам прибыли, выдвигаемым капиталом. Но, утерев эти особенности, они стали постепенно преобразовываться и постарались продолжить свое существование сначала под гегемонией Англии, затем уже США. Без мировой системы (современный капитализм и гегемония) ни одна модель национального государства не может просуществовать сколько-нибудь долгое время, потому что это противоречило бы логике системы. Противоречивое тяжело уживается или исчезают совсем. Чтобы выстоять, Советский Союз и Китай испытывали серьезную потребность в соглашении с США, и это является еще одним убедительным примером.

В данном случае можно лучше осознать трагический финал Саддама Хусейна. Он не признал и не хотел признавать систему. У него был единственный шанс сохранить свое положение, повернув курс Ирака на создание масштабной демократической системы. В силу своей безоговорочной веры в бога, коим было национальное государство, он не воспользовался этим шансом. Стоя под виселицей, он сжимал в руках Коран, написанный со слов старого Бога, и стало очевидно, что Саддам не нашел спасения у нового бога системы; у него попросту не оказалось сил спастись. Но бог системы, этот новый Левиафан, чувствует себя крайне скверно в иракских болотах. На всем протяжении Ближнего Среднего Востока ему приходится очень тяжело.

Европа ищет для себя нового бога. Вероятно, она создаст нового, миролюбивого бога, уважающего закон. ЕС старается развивать свою деятельность как реакцию на агрессивное прошлое, в первую очередь, на Вторую мировую войну, ставшую самой последней и страшной из всех войн на протяжении четырех столетий формирования нации и национальных государств. Выявившиеся разрушительные особенности национального государства ЕС старается нейтрализовать, используя развитие мысли, веры и структуризации в экономической, социальной, политической и исторической сферах, применяя эволюционные методы на базе нового института европейского гражданства. Здесь проявляется своего рода самокритичный подход. Этот процесс требует внимательного наблюдения, и нельзя предугадать его результаты. Что касается США, то, ликвидировав Саддама, этого иракского Луи XVI (король, казненный на гильотине в период Французской революции) эпохи национально-государственной цивилизации, американская администрация радикально подчеркнула свое отношение к модели национального государства, не вписывающейся в ее планы. Скорее всего, они могут испробовать перестройку национального государства на федеративной основе (структура США).

То, что США оказались между ролью гегемона и имперской силой, является свидетельством очень трудного процесса. Очень тяжело управлять моделями национальных государств с помощью слабой гегемонии. В качестве примера достаточно привести отношения с Турцией. Может иметь место изоляция в состоянии империй. Еще свежо в памяти падение Рима. Но считается, что вряд ли можно найти иную, кроме США, силу, которая осмелится взять на себя имперскую роль. Все свидетельствует о тупиковом состоянии. Классическая модель национального государства при помощи гегемонии смогла с трудом просуществовать только до начала XXI века. ЕС стал первым шагом на стадии формирования. Будущее его неясно. Система ООН демонстрирует этот тупик чуть ли не в зеркале национального государства, — это не тот орган, который решает проблемы, он, скорее, усугубляет их. Трудно представить себе, что прочие региональные объединения окажутся способны

устранить препятствия в лице национального государства; у них, похоже, нет никаких конструктивных возможностей. Национальное государство как изнутри, так и извне уже давно перестало быть моделью решения общественных проблем. Может быть, на заре своего возникновения они и были удобными моделями для накопления капитала и борьбы против внешней агрессии, но сейчас, в силу актуализации исторических общественных, культурных, этнических, экологических, феминистических и политических проблем, изнутри задавленных этой моделью, а также по причине противоречий на международном уровне они превратились в модели-препятствия, о чем свидетельствуют сотни примеров.

Израильско-палестинская проблема в этом смысле изобилует поучительными уроками. Обе стороны конфликта очень жестко придерживаются модели национального государства. Так, для решения проблемы Иерусалима они должны или разбить на части город, или воевать до полного уничтожения друг друга. Трудно найти какой-либо иной пример, столь ярко раскрывающий суть тупика, в котором оказалась система, не имея возможности выйти из него. Есть еще проблемы в Ираке, Афганистане и Ливане. На очереди, вероятно, Иран и другие страны. Поскольку для модели национального государства не характерны ни справедливость, ни гуманизм, ни политические, ни демократические особенности, она не имеет шансов на выживание, и с каждым днем этот факт раскрывается все больше и больше.

Достигнув своего апогея в 70-е годы прошлого столетия, модель национального государства, в частности, с распадом СССР, вступила в полосу глубокого кризиса. Кризис, отсутствие решений проблем системы и постепенное превращение в препятствие привели к тому, что эта модель стала терять былое доверие в глазах капиталистической монополии. Нет особых надежд на то, что в рамках модели ЕС кризис будет преодолен эволюционным путем: современный капитализм связан с глобальным мировым кризисом. Ближний и Средний Восток стал ареной превращения критического состояния в хаос. То, что происходит сейчас, отвечает параметрам третьей мировой войны. Второй ЕС или БСП (Большой Ближневосточный проект) в условиях региональных реалий не в состоянии дать ответы на злободневные вопросы, и можно ожидать длительного продолжения хаотического состояния. Система может попытаться заново отстроить модель национального государства, но на этот раз под ложным «демократическим» прикрытием. Наиболее верным путем является развитие демократической цивилизации как ответа приверженцев идей равенства, свободы и демократии.

В разделе своей Защитной речи, который я планирую написать под заголовком «Демократическая культура на Ближнем и Среднем Востоке и решение вопроса демократической культуры в Курдистане», я постараюсь подробно остановиться на проекте демократической конфедерации.

К. Игнорирование эпистемологической стороны национального государства, являющейся его фундаментальной парадигмой, стало серьезным исследовательским недостатком. Характеристики, даваемые национальному государству по настоящее время свидетельствуют о том, что эта модель, в отличие от любого другого типа государства, зиждется на совершенно иной парадигме. Исследования Томаса Куна, связанные с эпистемологией, выявляют значение парадигмы. В связи с парадигмой в данном случае я

хотел бы подчеркнуть поразительные искажающие возможности национального государства. Научная точка зрения любого человека, выросшего в общественной среде, характерной для этого государства, в 90 процентах (по грубым подсчетам) случаев противоречит истине. Основная причина заключается в национально-государственной парадигме, реализуемой на всех уровнях общества, начиная от способа формирования института гражданства, а также в том, что национальное государство формирует свое собственное историческое и общественное сознание, выдвигая его на господствующие позиции. В частности, создаваемая им история нации и государства (оно создает их в тесном переплетении) обходит молчанием не только общие принципы исторического процесса, и, но в большей степени игнорирует или искажает историю других наций, государств и обществ, превращая их в подсобный материал для собственной истории.

Гражданин, не прошедший через эту парадигму, вероятно, и не лишен возможности стать ученым, создавать науку, но его знания извращены, он не в состоянии осознанно комментировать происходящее. Во-первых, он фанатик, смотрит на все в ракурсе интересов национального государства. Ни одно явление не имеет для него смысла до тех пор, пока не будет проведено через его националистические шаблоны. У него нет возможности осознавать социальные науки. Шовинистическая национальная перспектива сужает его возможности познания науки он способен воспринять что-либо только в том случае, если это соответствует критериям его признания. Ни один факт, событие или явление, которого он не приемлет, не могут нарушить ритм вызубренных им шаблонов. Разрушительная сила национализма, превращенного в религию, выступает перед нами во всей своей конкретике именно в данном аспекте. Он не видит никакого смысла в чем-либо, не поставленном на службу национализму. У него нет интереса ни к чему. Духовный мир и мышление такого человека зашорены сильнейшим образом. Именно поэтому все социальные реалии, выходящие за рамки явлений, связанных с моделью национального государства, ему противны, поскольку в сфере социальной действительности все должно видаться сквозь призму национального государства, даже если это и изрядно сужает панораму. Такие «очки» не способствуют объективному философскому мышлению. Они крайне неудобны и для понимания науки. Ожесточение разума — вот препятствие, не дающее возможности понять и осознать.

Гражданин такого типа не представляет себе никакого иного общества, кроме национально-государственного, частью которого он является. Ожесточение в этом направлении или совсем искажает объективное наблюдение, или скатывается до совершенно безразличной позиции. Он смотрит на людей, стоящих перед ним, сквозь призму парадигмы нетерпимости, которая гораздо жестче нетерпимости религиозных фанатиков, и видит в них или врагов, или вообще никого перед собой не видит. Именно по этой причине мир, построенный на модели национального государства, постоянно порождает войны. Пример Гитлера и в этом вопросе может быть очень характерным. Европа или даже весь мир или должны быть такими, какими представляются ему, или они вовсе не должны существовать, исчезнув с лица земли. Многочисленные примеры свидетельствуют о том, как такая парадигма превратилась в фактор насилия.

Очевидно, что религиозные войны связаны с различными парадигмами. Это связано с парадигмой роста числа войн, имеющих националистические корни, и основной точкой

зрения, которую национальное государство сделало господствующей. Неумение правильно воспринять знание, естественно, приводит к ошибочной информации, что, в свою очередь, способствует принятию неверных решений и соответствующему практическому применению.

Не стоит ожидать от ученого, строго придерживающегося национально-государственных позиций (парадигмы), осмысленных комментариев во всех научных сферах, в первую очередь сфере социальных наук (не будем забывать того, что и другие науки имеют социальные корни).

Данное мышление, старающееся осмыслить все через собственное «я», непрерывно повторяя такие термины, как «мои границы», «мое общество», «моя страна», одним словом, видит во всем только «я» и «мое», расписывается в собственном неистребимом эгоизме, преувеличивая собственные возможности и возвеличивая самого себя. В подобном случае от такого человека трудно ожидать нормальных взвешенных решений, взаимоотношений и практической силы. Это и очевидно. Не может быть человека, отождествляющего себя с государством и обществом, его историей и зарождением, интересами и привязанностями, никаких шансов на разумные действия во имя мира и солидарности ни в национальном, ни в международном масштабах.

Не выйдя за рамки национально-государственного взгляда этой парадигмы, которую мы постарались охарактеризовать и наиболее общих чертах, нельзя создавать науку, следовательно, принимать правильные решения и строить верные взаимоотношения. Все данные свидетельствуют о том, что демократическая обстановка является наиболее приемлемой для научной революции. Окинув взглядом научные представления периода 6000-4000 гг. до н. э. (Плодородный Полумесяц), ионического и афинского периодов истории человечества в 600-400 гг. до н. э. или эпох Ренессанса, Реформации и Просвещения и Европе, увидим, что науки быстрее всего развивались именно в той обстановке, где общество было неразрывно связано с идеей свободы. Несмотря на огромные успехи Европы, она и по сей день находится под ударом мировой критики, и происходит это из-за присутствия узких эгоистических интересов национального государства. Система национальных государств, на которой базируется современная эпоха, не позволяет найти решения существующих проблем. Это же становилось причиной всех беспрецедентно крупных войн за последние четыре столетия.

Взгляд сквозь призму демократической цивилизации является величайшим шансом для создания науки. В частности, потребность в новой науке, возникающая в периоды кризисов и хаоса, может быть удовлетворена только при условии господства парадигмы демократического общества.

Поскольку без решения эпистемологических проблем практические решения попросту невозможны, идея низложения парадигмы национального государства и достижения парадигмы современной демократии приведет к достижению силы необходимой для решения.